

9. 荀况, 《荀子》, 战国 (Сюнь Куань. Сюньцзы, древнее литературное собр., период Чжаньго).

10. 毛泽东, 《毛泽东语录》, 北京, 中央文献出版社, 1980 (Мао Цзэдун. Цитаты Мао Цзэдуна. Пекин: Центр. изд-во документов, 1980).

11. 杨茜彦, 《名言警句大全集(超值白金版)》, 北京, 中国华侨出版社, 2011 (Ян Сиянь. Полное собрание сочинений афоризмов (супер-издание). Пекин: Изд-во китайских эмигрантов, 2011).

12. Стернин И. А. Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 4–20.

13. Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Истоки, 2003. С. 9–185.

* * *

1. V.I. Karasik. Jazyk social'nogo statusa. M.: In-t jazykoznanija RAN; Volgograd: Izd-vo «Peremena», 1992.

2. Social'nye statusy i roli. URL : www.Grandars.ru (data obrashhenija: 22.09.2015).

3. 吕国荣, 《影响世界的100条管理名言》, 北京, 人民邮电出版社, 2010 (Ljuj Gozhun. 100 izvestnyh aforizmov pro menedzhment. Pekin: Izd-vo narodnogo ministerstva pochty i telegrafa, 2010).

4. 西武, 《李嘉诚成功语录》, 哈尔滨, 哈尔滨出版社, 2008 (Li Czjachjen. Aforizmy Li Czjachjena pro uspehi / pod red. Shhi U. Harbin: Harbin. izd-vo, 2008).

5. 司马迁, 《史记》, 西汉 (Syma Cjan'. Shici-Istoricheskie zametki, istoricheskie zapisi (dinastija Han' 104 do n.je. – 91 do n.je.)).

6. 秦楚, 《名言警句大全》, 北京, 外文出版社, 2012 (Cin' Chu. Zakonchennaja sovokupnost' aforizmov. Pekin: Izd-vo inostr. jaz., 2012).

7. 孟子, 《孟子》, 战国 (Mjen Czy. Mjenczy, drevnee literaturnoe sobr., period Chzhan'go).

8. 李沈阳, 李静, 《韩非子》, 河南, 海燕出版社, 2014 (Li Shjen'jan, Li Czin, Han' Fjejczy, Hje Nan'. Chzhendzhou: Izd-vo «Hajjan'», 2014).

9. 荀况, 《荀子》, 战国 (Sjun' Kuan'. Sjun'czy, drevnee literaturnoe sobr., period Chzhan'go).

10. 毛泽东, 《毛泽东语录》, 北京, 中央文献出版社, 1980 (Мао Цзэдун. Citaty Мао Цзедуна. Пекин: Centr. изд-во документов, 1980).

11. 杨茜彦, 《名言警句大全集(超值白金版)》, 北京, 中国华侨出版社, 2011 (Ян Сиянь. Полное собрание сочинений афоризмов (super-izdanie). Pekin: Izd-vo kitajskih jemigrantov, 2011).

12. Sternin I. A. Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie. Vyp. 1. Voronezh: Izd-vo VGTU, 2000. S. 4–20.

13. Sternin I. A., Larina T. V., Sternina M. A. Oчерk anglijskogo kommunikativnogo povedenija. Voronezh: Istoki, 2003. S. 9–185.

Specificity of status communicative behavior of a boss reflected in Chinese aphorisms

There is shown the specificity of communicative behavior of a boss towards the subordinates. The standards of the communicative behavior are fixed in the aphorisms that show the competence of a boss in managing the subordinates, as well as understanding the duties.

Key words: *standard, communicative behavior, aphorisms, status, boss, subordinate, communicant.*

(Статья поступила в редакцию 09.11.2015)

Р.Ф. АБДУЛЛАЕВ
(Калининград)

МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ В РЕЧИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Представлены результаты исследования, направленного на выявление гендерных особенностей распределения и функционирования модальных частиц в высказываниях мужчин и женщин, на материале газетных текстов.

Ключевые слова: *гендер, гендерная лингвистика, модальность, модальные частицы, коммуникативная стратегия.*

Общая антропоцентрическая парадигма современных лингвистических исследований обусловила появление новых направлений в языкознании, таких как социолингвистика, психолингвистика, а также гендерные исследования в лингвистике. Гендерные исследования в языкознании сохраняют свою актуальность уже на протяжении четырех десятилетий. На материале различных языков и культур собран богатый материал, но работа по объяснению гендерных закономерностей в языке и использованию гендерно обусловленных коммуникативных стратегий, а также природы гендерных стереотипов все еще далека от завершения [4, с. 43]. В частности, исследование семантической категории модальности ограничивалось лишь рассмотрением модальных глаголов, оставляя без внимания другие,

не менее важные языковые средства, имеющие модальное значение [2; 20; 21]. В связи с этим целью данной статьи является изучение гендерной специфики распределения и функционирования модальных частиц в устной коммуникации на материале русского языка.

В.В. Виноградов выделял ряд разнообразных языковых способов выражения модальности, к которым относятся модальные вводные слова, модальные глаголы, инвективы, междометия, фразеологизмы и модальные частицы [8, с. 54–59]. Важность изучения языковых средств выражения модальности, играющих значимую роль в эффективной устной коммуникации, не раз подчеркивалась лингвистами [1; 7; 14; 18].

В теоретическом плане настоящее исследование опирается на основные положения теории гендерных различий, согласно которой мужчины и женщины по-разному используют языковые средства для достижения коммуникативных целей, что ведет к формированию двух дистинктивных стилей общения – мужского и женского [5; 19]. Таким образом, особо значимым для нашего исследования представляется положение о том, что при изучении гендерной специфики функционирования языковых единиц, в том числе и модальных, необходимо учитывать не только частоту употребления конкретной языковой формы в речи мужчин и женщин, но и её функцию в определенном контексте [16, с.74; 17, с.185; 4; 6]. Работавшие в рамках теории гендерных различий ученые утверждают, что речь мужчин и женщин имеет ряд отличительных характеристик. При этом женская речь характеризуется как более эмоциональная, ориентированная на установление межличностных отношений с адресатом в процессе коммуникации и поэтому содержащая больше стратегий положительной вежливости, в то время как мужская речь ориентирована на установление собственного статуса в разговоре, связана скорее с содержательным, а не эмоциональным аспектом высказывания, поэтому содержит больше стратегий отрицательной вежливости [5; 6; 13; 15; 16; 17; 23; 24].

Предметом данного исследования стали модальные частицы русского языка и их употребление в речи мужчин и женщин. По определению В.Н. Ярцевой, модальные частицы – это служебные слова, «передающие коммуникативный статус высказывания, а также выражающие отношение высказывания и/или его автора к окружающему контексту, выраженному или подразумеваемому» [10, с. 579]. В

«Русской грамматике» выделяются следующие группы модальных частиц в зависимости от их семантики: вопросительные (*ли, неужели, разве*); указательные (*вот, вон*); уточняющие (*именно, как раз, прямо, точь-в-точь*); выделительные и ограничительные (*только, лишь, исключительно, почти что, единственно*); восклицательные (*что за, как*); усилительные (*даже, ни, же, ведь, уж, всё-таки, всё*); частицы, смягчающие императив (*-ка: подайка, налей-ка; -то: молоко-то сбежало*); частицы, выражающие сомнение (*вряд ли, едва ли*); побудительные (*пусть, пускай, давай(те)*) [12].

Для настоящего анализа были отобраны частицы из следующих четырех групп: вопросительные (*(не)правда ли, разве*), усилительные (*уж, все-таки, даже*), смягчающие императив (*-ка*) и побудительные (*давай(те)*) (см. табл. на с. 163). Источником фактического материала для исследования послужили тексты из электронных архивов русскоязычных газет: «Комсомольская правда» (КП) (www.kp.ru/arch/daily/), «Труд-7» (Т) (www.trud.ru/), «Известия» (И) (www.izvestia.ru/archive/), «Советский спорт» (СС) (www.kp.ru/arch/sovspport/) и «Новый регион 2» (НР) (<http://www.newregion.kz/>). В текстах газетных статей для анализа были выбраны высказывания мужчин и женщин, которые введены журналистом в текст посредством прямой речи. Таким образом автор статьи точно воспроизводит все элементы устного высказывания, включая модальные частицы, а текст позволяет безошибочно определить принадлежность высказывания мужчине или женщине. Поэтому в данном случае газетные тексты предоставили возможность обратиться к изучению устной коммуникации через коммуникацию письменную.

Всего в ходе анализа изучено 70 текстов газетных статей. В них методом сплошной выборки выявлено 1507 высказываний (633 – мужчин и 874 – женщин), содержащих модальные частицы. Проанализированные 1507 случаев употребления интересующих нас модальных частиц и составили корпус примеров для исследования. Количественная обработка текстов проведена с помощью пакета программ текстового анализа «WordSmith Tools». Данные по распределению модальных частиц в речи мужчин и женщин представлены в табл. на с. 163.

Рассмотрим группу вопросительных модальных частиц. Модальная частица *ли* «усиливает вопросительный характер предложения» [3, с. 495] и употребляется 278 раз в исследуемом нами материале, причем 204 случая

Количественное распределение модальных частиц в речи мужчин и женщин
(на материале газетных текстов)

Тип модальной частицы	Модальная частица	Высказывания мужчин	Высказывания женщин
Вопросительная	(Неправда)ли	74	204
	Разве	70	244
Побудительная	Давай(те)	68	46
Усилительная	(Прямо) уж	87	132
	Всё-таки	187	64
	Даже	139	145
Смягчающая просьбу	-ка	8	39
Всего		633	874
Общее кол-во случаев употребления		1507	

ее употребления приходится на высказывания женщин. Рассмотрим некоторые примеры использования данной частицы в речи женщин в предположительно-вопросительных высказываниях: «Весело, неправда ли? Но зря я заранее пожалела хозяина» (КП. 2008.13.05); «Неправда ли, особый дух, атмосферу центра создают здешние дворики?» (Т. 2003.29.04). Значительное число высказываний содержит выражение мнения говорящего, а частица помогает вовлечь адресата в обсуждение высказанного положения. Использование данной частицы женщинами обусловлено их стремлением вовлечь в разговор собеседника и получить на него ответ, предпочтительно положительный, подтверждающий правоту того, кем задан вопрос: «Если соперника хватают руками, нужно по головке, что ли, погладить?» (СС. 2011.19. 02).

Частица *разве* встречалась значительно чаще в высказываниях женщин (244 случая употребления), чем мужчин (70 случаев употребления) (см. табл.). Согласно дефиниции Большого толкового словаря, употребление частицы *разве* выражает сомнение, недоумение, неуверенность. Так, женщины часто используют данную частицу в вопросительном предложении для выражения сомнения, недоумения или недоверия: «Разве можно было такого джентльмена заподозрить в мошенничестве?» (КП. 2011.04.05); «Не-е-е, я ни разу не была. А туда женщинам разве можно?» (КП. 2010.16.10); «Разве так можно?» – недоумевает Татьяна. (КП. 2011.01.03). В представленных выше примерах частица *разве*, помимо образования вопроса, выполняет и эмфатическую функцию, побуждая собеседника отреагировать и выразить говорящему свою поддержку. На вопрос «Разве так можно?» говорящий скорее всего ожи-

дает утвердительный ответ: «Конечно же, так нельзя». Особенно эффективно эмфатическая функция частицы *разве* реализуется в сочетании с модальным глаголом со значением возможности (*разве можно*).

В высказываниях мужчин частица *разве* встречалась значительно реже, чем у женщин. Кроме того, эта частица использовалась мужчинами не для образования риторического вопроса, а в форме *разве что* (в значении *только лишь*) для выделения элемента, которым ограничивалась справедливость высказывания. Характерными примерами использования *разве что* в речи мужчин служат следующие: «Впечатляло разве что количество подсудимых – сразу 14 человек» (КП. 2011.12.05); «Таким мог похвастать разве что ЦСКА советских времен» (СС. 2011.21.02).

Частица *разве* используется женщинами для выражения неуверенности в необходимости какого-либо действия, поступка, для выражения сомнения со значениями «*может быть, стоит ли, всего лишь, не более чем*», например: «Хотя разве это повод, чтобы брать на работу с детьми человека, о котором ровным счетом ничего не знаешь?» (КП. 2011.25.04); «Разве что, может быть, только для секса» (КП. 2010.17.10). Данная модальная частица выполняет эмфатическую функцию, что особенно заметно в вопросе, на который говорящий ожидает ответа от адресата. Мужчины же, в отличие от женщин, реализуют данную частицу преимущественно для выражения уверенности в противоположном ответе или резкого неодобрения, осуждения: «Посудите сами, разве плохо обзавестись уютной “трешкой” за миллион рублей?» (КП. 2011.03.05).

Мужчины употребляют частицу *разве* при выражении своего неодобрения, например:

«Разве нормальный человек может выдумать такую изощренную гадость – пьяный, да еще и на кладбище?» (СС. 2010.16.02). Здесь модальная частица *разве* акцентирует внимание адресата на негативном отношении говорящего к фактам, о которых он сообщает. Было отмечено, что мужчины чаще используют в своей речи отрицательную оценку [19, с. 94], которую С.К. Табурова связывает со склонностью мужчин к конфликтной коммуникации [11, с. 87].

Рассмотрим употребление побудительной частицы *давай(те)* в исследованных примерах. В речи мужчин она встречалась 68 раз, в то время как в речи женщин выявлено 46 случаев употребления. Анализ позволил выявить различие в характере использования данной частицы в речи мужчин и женщин. Частица *давай(те)* в женской речи использовалась со значением приглашения к совместному действию, например: «Василий Михайлович, поздравляю с выходом Ваших книг, это хороший подарок нашим читателям. *А давай-те вспомним* Пескова-читателя, Ваши первые книжки?» (КП. 2011.28.04). Женщины употребляют данную частицу с целью вовлечения собеседника в диалог и совместный поиск решений. Табурова считает такое речевое поведение женщин стремлением к гармоничной коммуникации. В речи мужчин данная частица функционирует с целью усиления побуждения к действию, как в следующем примере: «Так и сказал Саше: “*Давай работай, работай...*”» (СС. 2011.29.03); «Наш начальник если уж кого невзлюбит, то докапывается конкретно: вызывает “на ковер”, спрашивает об успехах на работе, а опрос начинается всегда с одной и той же фразы: “Ну, *давай, удиви меня!*”» (КП. 2011.22.03). В этом примере частица *давай* использована мужчиной для усиления императива. По мнению С.К. Табуровой, это может быть связано со стремлением мужчин подчеркнуть в разговоре превосходство своего статуса над статусом собеседника [Там же, с. 89].

Рассмотрим далее особенности функционирования модальной частицы *-ка* со значением смягчения требования в высказываниях мужчин и женщин. В исследованном материале данная частица встречалась намного чаще в речи женщин (39 случаев употребления), чем в речи мужчин (8 случаев употребления). Примерами употребления частицы *-ка* в речи женщин являются следующие: «– *Дай-ка* паспорт, – продавщица бегло пробежала по страничкам документа [паспорта подрост-

ка]» (КП. 2011.06.04); «Жена сегодня привезла в аэропорт, напутствовала: «*Отправляйся-ка* ты, муж, на работу!» (СС. 2011.12.02); «Из соседней кабинки тетенька позвала коллегу: “*Иди-ка, полюбуйся*”» (КП. 2009.08.05). Как показывают примеры, женщины используют эту частицу с целью смягчения категоричности императива. По мнению Р. Лакофф, использование языковых средств, смягчающих иллокутивную силу высказывания, является одним из отличительных признаков вербального поведения женщин [19].

Перейдем к рассмотрению модальных частиц, выражающих усиление семантики единиц языка. Частица *уж* в исследуемом материале встречалась чаще в высказываниях женщин (132 случая употребления), чем мужчин (87). Данная частица в речи и мужчин, и женщин усиливает значение следующего за ней члена предложения, например: «Так *уж* получилось, что остальные скандалы развернулись между Россией и Швецией» (КП. 2011.14.05); «И не был он *прямо уж* таким алкоголиком» (КП. 2011.13.05). Необходимо добавить, что в женской речи все же наблюдается более разнообразное использование данной частицы, особенно в сочетании с модальным глаголом *хотеть*, как в следующих примерах: «Я их [туфли] *уж выбросить хотела*, но он не успокоился, куда-то отнес» (КП. 2011.13.05); «*Очень уж хотелось создать* что-то необыкновенное и нестандартное» (КП. 2011.13.05). В этой коллокации частица позволяет усилить модальное значение желательности действия.

Усиливающая частица *все-таки* чаще встречалась в корпусе проанализированных высказываний мужчин (187 случаев употребления), чем женщин (64). Эта частица не просто усиливает высказывание или его отдельный элемент и подчеркивает настойчивость говорящего [3, с. 157], в высказываниях женщин она выполняет эмфатическую функцию: «*И все-таки*, скажите, был ли Ваш день рождения в этом году особенным?» (КП. 2011.12.05). В высказываниях мужчин частица *все-таки* довольно часто сочеталась с модальным глаголом возможности в условном наклонении, например: «И к этой усталости примешивается чувство горечи – *все-таки* мы *могли бы* и победить... А им еще предстоит путь обратно, на Урал через Москву» (КП. 2010.24.08). Еще одной особенностью использования данной частицы в речи мужчин является ее совместная встречаемость с модальными глаголами-эксикаторами значения долженствования, на-

пример: «Однако пока мы относимся к таким предложениям достаточно холодно: *все-таки* семья должна оставаться семьей, а работа – работой» (КП. 2011.11.05); «*Но все-таки* нужно было соответствовать. Хотя на одну модную штучку Леонид Ильич *все-таки* попался» (КП. 2011.04.05).

Рассмотрим распределение усилительной частицы *даже*, которая употребляется для усиления элемента предложения, к которому синтаксически относится [3, с. 237]. В исследованном материале данная частица встречалась всего 284 раза, и ее распределение было практически равномерным в высказываниях мужчин (139) и женщин (145). В речь мужчин частица *даже* вносит оттенки подчеркивания, выполняет акцентирующую функцию: «*Даже это* может спасти кому-то жизнь», – призвал глава ГИБДД» (КП. 2011.14.05), в речи женщин данная частица также выполняет акцентирующую функцию: «Когда увидел человека, *даже не смог встать*, только с мольбой смотрел в глаза» (КП. 2011.13.05); и передает эмоциональные и оценочные смыслы: «Мои глаза округляются от ужаса, по телу бегут мурашки. *Даже* руки зачесались под перчатками. – Это нервное, – смеются эпидемиологи» (КП. 2011.13.05).

Итак, проведенное исследование позволило выявить гендерную специфику количественного распределения и функционирования модальных частиц в высказываниях мужчин и женщин, выбранных в текстах газетных статей. Количественный анализ показал, что в целом в изученном корпусе примеров модальные частицы чаще встречались в высказываниях женщин (864 случая употребления), чем мужчин (633). Изучение распределения модальных частиц четырех категорий (вопросительные, побудительные, усилительные и смягчающие) позволило установить, что женщины чаще, чем мужчины, использовали вопросительные модальные частицы, а также частицы, смягчающие категоричность императива. Напротив, в речи мужчин преобладали побудительные и усилительные модальные частицы. В речи женщин чаще всего встречались вопросительные частицы, в чем, вероятно, выразилось стремление женщин создать ситуацию гармоничного общения и вовлечь собеседника в разговор. В речи мужчин преобладали усилительные частицы, отражающие стремление говорящего повысить степень прагматического воздействия высказывания на адресата.

Реже других типов частиц в высказываниях как мужчин, так и женщин встречалась частица, смягчающая императив, однако наименьшее количество случаев ее употребления было отмечено в высказываниях мужчин.

Таким образом, модальные частицы русского языка являются языковыми средствами, выполняющими важные функции в спонтанном общении, и заслуживают пристального внимания исследователей с целью изучения специфики их функционирования с точки зрения гендера.

Список литературы

1. Абдуллаев Р.Ф. Особенности реализации модальных значений в коммуникативной стратегии (гендерный аспект) // Филологические науки в России и за рубежом: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). СПб.: Свое издательство, 2015. С. 56–59.
2. Абдуллаев Р.Ф. Экспликативные ситуативной модальности как средство выражения гендерной специфики персонажей // *Philologia nova: лингвистика и литературоведение: сб. ст. молодых исследователей*. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. С. 6–10.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
4. Васильева И.Б. Гендерные сходства в языке: новый аспект гендерных исследований // *Филологические науки: вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2 ч. Ч. 1. С. 43–48.
5. Васильева И.Б. Теоретические основы исследования гендера в языке // *Межвуз. сб. науч. тр. по материалам 4-й Междунар. конф. «Пелевинские чтения – 2007»*. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 108–114.
6. Васильева И.Б. Функциональная специфика *really* в компьютерных текстах: гендерный аспект // *Европейский журнал социальных наук*. 2013. № 8 (35). Т. 2. С. 225–237.
7. Ваулина С. С. Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2013. Вып. 8. С. 7–12.
8. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // *Избранные труды. Исследования по русской грамматике*. М.: Наука, 1975. С. 53–83.
9. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи в современном русском языке // *Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект* / под ред. Е.А. Земской и Д. Шмелева. М.: Наука, 1993. С. 90–136.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая рос. энцикл., 2002.

11. Табурова С.К. Гендерные аспекты поведения парламентариев (на материале парламентских дебатов в ФРГ) // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 84–92.
 12. Шведова Н.Ю. Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1980.
 13. Cameron D. Introduction: Why Is Language a Feminist Issue? // *The Feminist Critique of Language*. 2nd ed. L.: Routledge, 1999. P. 1–21.
 14. Coates J. Epistemic modality and spoken discourse // *Transactions of the Philological Society*. 1987. P. 110–131.
 15. Coates J. *Language and Gender: A reader*. Oxford: Blackwell, 1998.
 16. Cameron D., McAlinden F., O’Leary K. Lakoff in Context: The Form and Function of Tag Questions // Coates Jenifer and Cameron Deborah (eds.). *Women in Their Speech Communities*. L.: Longman, 1998. P. 74–93.
 17. Holmes J. Hedges and boosters in women’s and men’s speech // *In Language and Communication*. 1990. Vol. 10. № 3. P. 185–205.
 18. Hyland K. The Author in the Text: Hedging Scientific Writing // *Hong Kong Papers in Linguistics and Language Teaching*. 1995. P. 33–42.
 19. Lakoff R. *Language and Woman’s Place // Revised and Expanded Edition*. Oxford University Press, 2004.
 20. Aboulalaei Mir Habib. Exploring the Differences Between Iranian Women and Men Academic Article Writings According to Mood and Modality // *Middle-East Journal of Scientific Research*. 2013. № 18 (5). P. 668–674.
 21. Stephanie S. Roth. Power, politics, and gender-related epistemic modality in interview discourse. University of Gothenburg, 2014. P. 53.
 22. Trudgill P. Sex, covert prestige, and linguistic change in the urban British English of Norwich // Thorne B., Henley N. (eds.) *Language and sex: difference and dominance*. Rowley, MA: Newbury House, 1975. P. 88–104.
 23. Vasilieva Inga. Gender-specific use of intensifiers in computer-related English texts // *Språk och kön i nutida och historiskt perspektiv*. Studies presented at the 6th Nordic Conference on Language and Gender. Stockholm: Elanders Gotab, 2007. P. 131–141.
 24. Zimmerman D., West C. Sex Roles, Interruptions and Silences in Conversations // *Language and Sex: Difference and Dominance / ed. by B. Thorn, N. Henley*. Rowley, Massachusetts: Newbury House Publishers, 1975. P. 105–129.
- * * *
1. Abdullaev R.F. Osobennosti realizacii modal’nyh znachenij v kommunikativnoj strategii (gendernyj aspekt) // *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, ijul’ 2015 g.)*. SPb.: Svoe izdatel’stvo, 2015. S. 56–59.
 2. Abdullaev R.F. Jeksplikatory situativnoj modal’nosti kak sredstvo vyrazhenija gendernoj specifiky personazhej // *Philologia nova: lingvistika i literaturovedenie: sb. st. molodyh issledovatelej*. Kirov: Izd-vo VjatGGU, 2013. S. 6–10.
 3. Bol’shoj tolkovyj slovar’ russkogo jazyka / gl. red. S.A. Kuznecov. SPb.: Norint, 2000.
 4. Vasil’eva I.B. Gendernye shodstva v jazyke: novyj aspekt gendernyh issledovanij // *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2014. № 11 (41): v 2 ch. Ch. 1. S. 43–48.
 5. Vasil’eva I.B. Teoreticheskie osnovy issledovaniya genera v jazyke // *Mezhvuz. sb. nauch. tr. po materialam 4-j Mezhdunar. konf. «Pelevinskie chtenija – 2007»*. Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta, 2008. S. 108–114.
 6. Vasil’eva I.B. Funkcional’naja specifika really v komp’juternyh tekstah: gendernyj aspekt // *Evropejskij zhurnal social’nyh nauk*. 2013. № 8 (35). T. 2. S. 225–237.
 7. Vaulina S. S. Modal’nost’ kak kommunikativnaja kategorija: nekotorye diskussionnye aspekty issledovaniya // *Vestnik Baltijskogo federal’nogo universiteta im. I. Kanta*. 2013. Vyp. 8. S. 7–12.
 8. Vinogradov V.V. O kategorii modal’nosti i modal’nyh slovah v russkom jazyke // *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoj grammatike*. M.: Nauka, 1975. С. 53–83.
 9. Zemskaja E.A., Kitajgorodskaja M.A., Rozanova N.N. Osobennosti muzhskoj i zhenskoj rechi v sovremennom russkom jazyke // *Russkij jazyk v ego funkcionirovanii: kommunikativno-pragmaticeskij aspekt / pod red. E.A. Zemskoj i D. Shmeleva*. M.: Nauka, 1993. S. 90–136.
 10. *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar’ / gl. red. V.N. Jarceva*. 2-e izd., dop. M.: Bol’shaja ros. jencikl., 2002.
 11. Taburova S.K. Gendernye aspekty povedenija parlamentariev (na materiale parlamentskih debatov v FRG) // *Sociologicheskie issledovaniya*. 1999. № 9. S. 84–92.
 12. Shvedova N.Ju. *Russkaja grammatika: v 2 t.* M.: Nauka, 1980.

~~~~~

Modal particles in speech of men and women

There are represented the results of the research directed to find out the gender peculiarities of distribution and functioning of modal particles in expressions of men and women based on newspaper texts.

Key words: *gender, gender linguistics, modality, modal particles, communicative strategy.*

(Статья поступила в редакцию 03.10.2015)